

**РУССКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ:
МЕХАНИЗМЫ НАРРАЦИИ И ТИПОЛОГИЯ
СВЕРХФРАЗОВЫХ СТРУКТУР
(в трудах П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева)***

С.А. Гейченко

Кафедра русского языка и стилистики
Факультет издательского дела и журналистики
Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова
ул. Садовая-Спаская, 6, Москва, Россия, 107045

В статье предлагается лингвостилистический и коммуникативно-прагматический анализ повествовательности русского философского текста начала XX в., рассматриваемого в аспекте типологии маркеров движения точки наблюдения за мыслью и связанной с этим типологии сверхфразовых единств. Делается вывод о тяготении нарративных речевых структур философствования к таким моделям, которые переводят точку наблюдения от форм с ярко выраженной модальностью и отчетливым дейксисом к формам «нулевого» дейксиса и истинностному характеру высказывания.

Ключевые слова: язык, философский текст, стилистика философствования, нарративность, сверхфразовый синтаксис, повествовательная структура, точка наблюдения, дейксис, повествовательная траектория текста, идиостиль философа, русская философия.

Повествовательность, выражаемая в изменении точки наблюдения за предметом речи, является характерным свойством русского философского текста. Поскольку наличие персонажей и фабулы в философском тексте необязательно, нарративным в обычном смысле его считать невозможно, однако если иметь в виду «рассказ о мысли» или «повествование о рассуждении», философский текст показывает движение сознания, отнюдь не всегда основанное лишь на логике.

Обобщая данные, полученные в результате анализа текстового материала, можно выявить определенные типы сверхфразовых структур, повторяющихся от текста к тексту и составляющих базовые отличительные признаки нарратива философского текста. Сегодня есть достаточное число лингвистических работ о философском тексте [2, 3, 5, 11], однако его структурные доминанты до сих пор не вполне определены. Можно выдвинуть гипотезу, что повествовательность, выражаемая в изменении точки наблюдения за предметом речи [10, 12], является характерным свойством русского философского текста. Вместе с тем философский текст — не вполне обычное повествование: в нем (если не считать классического жанра философского диалога) персонажи и фабула факультативны. Тем не менее, философский текст, важная цель которого — организовать сам процесс систематического постижения вещей, существует не только как движение, развертывание мысли, но и как самый процесс наблюдения за этим движением.

---

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 13-04-12029).

Рец.: проф. Г.В. Векшин (МГУП им. И. Фёдорова); доц. С.Ю. Преображенский (РУДН).

В результате следования своей когнитивной задаче философский текст превращается в своеобразный рассказ о мышлении — не рассуждение, а *повествование о рассуждении*. Не случайно философский текст выходит за пределы инструментария логики [3. С. 8], что с еще одной стороны сближает его с художественным. Для того чтобы разобраться в особенностях нарративности философского текста, имеет смысл обратиться к его моделированию на уровне сверхфразовых единств.

По-видимому, существует ограниченное число схем сверхфразовых структур русского философского текста в плане межфразовых отношений, распределения микротем и движения точки наблюдения, из которых активно используются всего несколько. Общая интенция философского текста, характеризующая его повествовательный синтаксис, выражается следующим образом: 1) движение от точки наблюдения за конкретными предметами к обобщениям; 2) уравнивание статуса симметричных (конъюнкция, последовательность, противопоставление) и асимметричных межфразовых отношений (причина, уступка, следствие и т.п.), с чем связана характерная самопротиворечивость философского повествования, а также его стремление к приданию всякому речевому приему когнитивной функции. На сверхфразовом уровне в русском философском тексте выделяются типы структур по трем основным критериям: 1) по положению точки наблюдения за объектом мысли и речи; 2) по характеру распределения микротем / коммуникативных предметов; 3) по характеру межфразовых отношений (риторических связей).

Поскольку последние два критерия являются производными от первого и управляются именно положением точки наблюдения, в данной статье сосредоточимся на последнем.

МОДЕЛИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТОЧЕК НАБЛЮДЕНИЯ

Согласно классической работе Б.А. Успенского «Поэтика композиции», в повествовательной структуре текста различаются точки зрения в планах идеологии, психологии, пространственно-временных характеристик и фразеологии [12]. В силу того что в философском повествовании, в отличие от художественного нарратива, чаще всего отсутствуют персонажи, действующие в специально моделируемом хронотопе, философское повествование сводится к движению точки наблюдения в трех планах: фразеологии, психологии и идеологии. Все они выражают комплексное отношение говорящего к предмету разговора, адресатам и речевой ситуации, что обеспечивается специфической системой дейктических средств и может быть измерено через ряд аксиологических характеристик и семантических оппозиций, например: «свое/чужое», «далекое/близкое» и т.п.).

Нарративная структура философского текста может быть определена как *рефлексивное повествование о мысли* и позволяет выделить три основных точки наблюдения над нею: **снаружи** (то есть вне или в отдалении от предмета разговора, когда он воспринимается как чуждый или даже враждебный), **внутри** (то есть вблизи предмета разговора, который воспринимается как свой или дружественный) и **бытийно** (в бытийно-истинностном плане — «вне-хронотопно»),

«вне-предикативно», атемпорально), когда нейтрализована дискурсивно-семантическая оппозиция внешнего и внутреннего, а говорящий самоустраняется из речевой ситуации и выдвигает положения, которые должны восприниматься адресатом (также выведенным за пределы времени и пространства) как неизменная объективная истина.

Две последние точки наблюдения — внутренняя (или интроспективная) и бытийная (экзистенциальная), в реальной практике философствования тесно взаимодействуют, поскольку философ склонен признавать близкими суждения, которые считает истинными, и подразумевать истинность в суждениях, которые ему близки.

В работах о бытийности как характеристике предложения [1, 4, 6] замечается, что бытийные предложения передают состояние бытия или небытия в определенном пространстве или в отношении определенного лица, обычно вне зависимости от имплицитированных смыслов и самой коммуникативной ситуации, что влияет на логико-синтаксические свойства таких предложений.

Представление о бытийном типе точки наблюдения опирается на допущение, что использование специальных «бытийных» лексических и синтаксических средств (*есть*, *суть*, соответствующий эллипсис, передаваемый тире, и т.п.) в философском тексте является индикатором особого положения точки авторского наблюдения за мыслью, характеризуемого **нулевым дейксисом**, то есть полным отсутствием пространственно-временной привязки высказывания к конкретной речевой ситуации. Отсутствие такой привязки обусловлено интенцией говорящего, который сознательно стремится к тому, чтобы его утверждения «пережили» любую коммуникативную ситуацию и продолжали иметь смысл даже после того, как породивший их дискурс исчерпал себя.

Ниже приводятся примеры сверхфразовых единств с указанными тремя типами точки наблюдения:

СНАРУЖИ: «Двойка всегда есть двойка. Двойкой она была раньше, двойка она сейчас, двойкой она всегда будет. Рассматривая ее как таковую, вы не прочтаете в ней повесть о том, что она сотворена или что она погибнет, или что она вообще меняется. Она говорит вам просто о том, что она — двойка, и больше ничего вы от нее не добьетесь. Применить к ней категорию времени значит высказать бессмысленное утверждение» [8. С. 312].

ВНУТРИ: «Я выходит за пределы своего эгоистического обособления, как открытою, широкою грудью вдыхает оно горный воздух познания и делается единым со всем миром? Те прекрасные, чистые, отрешенные от всего земного и как бы сотканые из запаха цветов и лунного света грезы любви, которыми теперь туманятся дни юности и которые воспеваются всеми поэтами у всех образованных народов — разве грезы эти порождены не платонизмом? И разве ‘идеи’, ‘сущности’, ‘понятия’, ‘монады’, ‘личности’, которыми живет и движется философия, — не в кровном родстве с учением Платона?» [13. С. 146].

БЫТИЙНО: «Это — антиномии для абстрактно-метафизической мысли. А так как мы хотим рассуждать не абстрактно, а жизненно, и не метафизично, а диа-

лектично, то для нас нет выбора между тезисами и антитезисами. *Мы принимаем сразу и тезис, и антитезис каждой антиномии* и объединяем их в живом синтезе второго определения сущности, а именно определения в абсолютном мейне. Получающиеся в результате такого определения факты — одинаково и они и не-они, и действуют самостоятельно и суть результат действия первоначальной сущности, и ответственны за себя и не ответственны. Такова жизнь» [7. С. 144].

Три типа точки наблюдения могут в цепочках сверхфразовых единств соединяться в следующих последовательностях:

1а. СНАРУЖИ — ВНУТРИ — БЫТИЙНО; 1б. ВНУТРИ — СНАРУЖИ — БЫТИЙНО.

2а. БЫТИЙНО — ВНУТРИ — СНАРУЖИ; 2б. БЫТИЙНО — СНАРУЖИ — ВНУТРИ.

3а. СНАРУЖИ — БЫТИЙНО — ВНУТРИ; 3б. ВНУТРИ — БЫТИЙНО — СНАРУЖИ.

Эти модели типичного распределения точек зрения сгруппированы по положению элементов с «бытийным» (нулевым) дейксисом в начале, середине или конце простейших групп из трех сверхфразовых единств или трех элементов базисной схемы (имеющих микротемы, но недостаточных по объему, состоящих всего из двух-четырех предикативных частей).

Следует принимать во внимание, что в каждой из троек можно выделить по две пары таких элементов, но строить схемы исходя из парных отношений — значит ограничивать возможность рассмотрения взаимодействий типов точки зрения не подряд, а «через один».

Анализ идиостилей А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского показывает, что философское рассуждение основывается на движении к бытийности точки зрения из ее положения вовне.

Это означает, что автор чаще всего идет от личностных к внеличностным высказываниям. До сих пор немногие исследователи рассматривали вопрос, почему и в каких случаях совершается нейтрализация дейктических отношений, относительный отказ от дейктичности (от времени, от лица, от маркеров, характеризующих место высказывания, и т.д.) [12. С. 45]. Ясно только, что в философском тексте первая группа схем (с «бытийной» точкой наблюдения в конце фрагмента) встречается во много раз чаще остальных групп. Возможно, это объясняется стремлением философа делать не практические, а теоретико-метафизические выводы из любых фактов.

Тип **1а** наиболее часто встречается в русской философской прозе, поскольку своей целью философия всегда считала поиск истины, которая не зависела бы от внешних обстоятельств мышления. Чаще всего каждую часть сочинения философ начинает с полемики (взгляда на чужую мысль со стороны) и продолжает, давая собственное видение проблем, выходя на внеличностные, вневременные суждения, независимые от обстоятельств момента речи.

В частности, тип **1а** встречается особенно часто в сочинениях А.Ф. Лосева. Приводимый нами отрывок довольно объемный, поэтому дается с сокращениями,

которые все же сохраняют его основной смысл. Можно условно разделить отрывок на несколько сверхфразовых единств, границы которых из-за специфики авторского изложения кажутся размытыми, поскольку микротемы переходят одна в другую. Например, разговор о понимании выразительного движения Г. Когеном плавно переходит в описание свойств выразительного движения самим пересказчиком, и трудно сказать, где пересказ, а где собственные его мысли.

Между сверхфразовыми единствами прослеживаются межфразовые отношения, которые были бы невозможны ни в обычном научном тексте, ни даже в художественном: это и не простая последовательность эпизодов, и не силлогистическое выведение положений. Общая тема всего отрывка может быть выражена как «неоплатонические категории выражения и движения у Г. Когена», но раскрывает А.Ф. Лосев ее очень своеобразно:

«Тут уместно вспомнить учение Г. Когена, не потому что оно имеет большое значение само по себе, а потому что даже столь неясная мысль и столь спутанная форма изложения, как у Когена, не может отказаться от некоторых эстетических категорий, несознательно заимствуя их в старой „метафизике“ и сознательно отвергая их и браня». Налицо точка наблюдения извне, поскольку такие действительные средства, как эмоционально-оценочная окраска единиц и даже их основные значения («браня», «столь неясная мысль», «несознательно заимствуя»), свидетельствуют о неодобрении и отстранении говорящего от предмета разговора — философии Г. Когена.

«1) ‘Красота есть идея’, говорит Коген и поясняет: идея — не представление, ибо тогда не было бы расхождения с софистикой; она — не просто понятие, ибо тогда Платон ничем не отличался бы от Сократа; она — и не сущность сама по себе (*Wesenheit an und für sich*), ибо иначе был бы прав Аристотель в своей критике на нее; она — и не видение, не лик (*Gesicht*). Она есть гипотеза и потому не лик, но — ‘основоположение’, ‘методический фундамент’. ‘Идея есть основоположение прежде всего в том смысле, что она полагает бытию его основание’, так что ‘бытие, следовательно, обусловлено мышлением в познании’, и вот почему ‘*Philosophie ist Platonismus*’. Красота для Когена есть, следовательно, не больше как ‘основоположение’. 2) Еще один шаг и — Коген у центра всей своей эстетики. ‘Идея как основоположение означает в последней инстанции **самость чистого чувства как основоположение** (*das Selbst des reinen Gefühls als Grundlegung*)’. Это — совершенно оригинальная идея, несводимая ни на познавательные категории, ни на нравственные идеи. Что такое ‘чистое чувство’, по Когену?» [7. С. 178].

Присутствует точка наблюдения изнутри предмета, делание его «своим» для пересказчика. В итоге это не риторический вопрос, а диалогическое вопрошание, разговор с самим собой. А.Ф. Лосев еще лишь в общих чертах представляет, как на него ответит.

«Несмотря на все расхождение с ‘романтизмом’, Коген все-таки говорит следующее: надо исследовать сознание не только в отношении к порождаемым им предметам, но и в **отношении к самому себе** (*Verhalten zu sich selbst*), ибо только тут и достигается подлинное единство сознания».

Здесь и далее мы наблюдаем синтаксис, насыщенный инверсиями и, речь уже больше А.Ф. Лосева, излагающего свои мысли с оглядкой на Г. приемы, характерными больше для русского, чем для немецкого языка. Это, по-видимому Когена, нежели пересказывающего его.

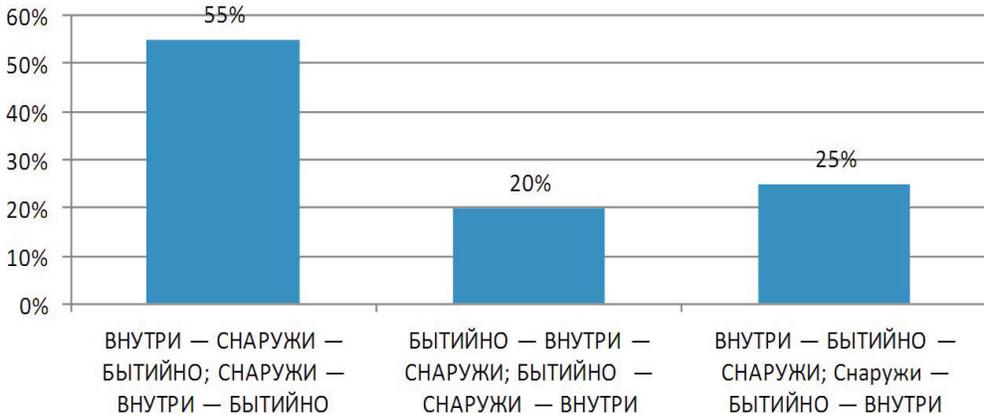
Это заметно даже в цитатах, которые он приводит из Г. Когена, не давая ссылок. «Внутреннее поведение сознания в себе самом, пребывание в себе, удержание себя на собственной деятельности, покой и успокоение в этой деятельности, самодовление в этом собственном поведении, без выхода из себя и без стремления за пределы себя, чтобы достигать того или иного предмета как содержания вне собственной сферы в себе покоящейся деятельности, будь то для познания или для воли, — эта автаркия только и может одна привести к самостоятельности эстетического сознания, к открытию и доказательности его новизны и своеобразия».

Так Коген, подобно Канту и Шеллингу (а в конце концов и Плотину), приходит к объединению теоретического и практического разума в **чувстве**, к объединению природы и свободы, т.е. к самодовлению субъекта, когда он сам полагает себя и свой объект... По Когену, чувство само по себе еще не вскрывает сущности эстетического сознания. Он различает 'Bewusstheit', темное, неоформленное сознание, и 'Bewusstsein', сознание, имеющее в себе четкую содержательность. Если мы полагаем, что прекрасное есть самость чистого чувства и самость чистого чувства есть та модификация сознания, которая характерна именно для эстетического предмета, — то **не может быть никакого бессознательного эстетического чувства**. Чистое чувство есть четкое содержание, появляющееся в результате объединения теоретической и практической сфер, необходимости и свободы» [7. С. 179].

Здесь уже мы сталкиваемся с суждением, содержание которого не меняется в зависимости от обстоятельств, исторического времени и даже воли автора. А.Ф. Лосев говорит «вне-хронотопно», безотносительно любых других мнений, представляя медиатором между истиной и читателем, отказываясь от авторства на эти мысли, которые, по его мнению, сами собой разумеются. Это и есть бытийно-отнологическое положение точки наблюдения в философском тексте, к которой он всегда стремится.

Типы **3а** и **3б** (где бытийная точка наблюдения помещена в середину, между внешней и внутренней) встречаются редко и лишь в обширных текстовых фрагментах, поскольку в философском тексте чаще всего точка наблюдения стремится перейти в **бытийное** положение, а выход из него чаще всего бывает вынужденным, при смене коммуникативного предмета и микротемы. Однако иногда обнаружить это строение удается и в границах одного сверхфразового единства.

В остальном сверхфразовый синтаксис философского повествования устроен сходным образом: остальные типы (2а, 2б, 3а, 3б) встречаются реже — их доля в совокупности составляет не более 35—45% (рис.).

Рис. Доли типов структурных схем по распределению точки наблюдения в русском философском тексте

В области сверхфразового синтаксиса русский философский текст характеризуется наиболее частым использованием тех схем, которые предполагают: движение повествования от форм с ярко выраженной модальностью и отчетливым дейксисом (**снаружи** и **внутри**) к формам «нулевого» дейксиса (**бытийному** типу) при использовании моделей с равноправным чередованием симметричных и асимметричных межфразовых отношений на любых уровнях базисной схемы текста, а также схем с взаимопротиворечащими утверждениями в составе микротем сверхфразовых единств.

Следует, наконец, заметить, что для философского текста вообще дороги не столько выводы и итоги рассуждения, сколько сам процесс рефлектирующей мысли. Поэтому моделирование повествовательной техники такого текста должно быть основано прежде всего на уяснении основных *траекторий движения точки наблюдения*, своего рода путь мысли, развертываемой в коммуникативном пространстве и пространстве сознания — своего рода нарративные «просодемы», контуры, образуемые переходом от одного типа наблюдения к другому. Закономерности, обнаруживаемые в русском философском тексте, позволяют предположить, что такой подход может оказаться продуктивен и при описании других жанрово-речевых форм, предполагающих интеллектуальное повествование, и в целом уточнить лингвистическую картину вербального дискурсивного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Азарова Н.М. Бытие в русских поэтических и философских текстах XX—XXI вв. // Вопросы филологии. — 2010. — № 3 (36).
- [2] Азарова Н.М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в. — М.: Логос/Гнозис, 2010.
- [3] Алексеев А.П. Философский текст. Идеи, аргументация, образы. — М.: Прогресс-Традиция, 2006.
- [4] Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: бытийный тип (Структура и значение). — М.: Русский язык, 1983.

- [5] *Гоготишвили Л.А.* Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский) // Лосев А.Ф. Имя: Избр. работы, пер., беседы, исслед., арх. материалы. — СПб.: Алетейя, 1997. — С. 580—591.
- [6] *Заметалина М.Н.* Бытийность в функционально-семантическом пространстве русского языка (диахрония и синхрония): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — Волгоград, 2002.
- [7] *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений / Вступ. ст. А.А. Тахо-Годи, Л.А. Гоготишвили; отв. ред. А.А. Тахо-Годи; сост. и подгот. текста И.И. Маханькова. — М.: Правда, 1990.
- [8] *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханькова; послесл. Л.А. Гоготишвили, В.П. Троицкого. — М.: Мысль, 1994.
- [9] *Лосев А.Ф.* Форма. Стиль. Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханькова; послесл. В.В. Бычкова, М.М. Гамаюнова. — М.: Мысль, 1995.
- [10] *Падучева Е.В.* Семантические исследования. — М.: Языки русской культуры, 1995.
- [11] *Постовалова В.И.* Философия языка А.Ф. Лосева. Типологический лик. Генетические истоки. Основные идеи и подходы // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. Психология. Философия. — М.: Междунар. науч. фонд, 1996. — С. 101—107.
- [12] *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы // *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000.
- [13] *Флоренский П.А.* Собрание сочинений: в 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева) и др.; вступ. ст. игумена Андроника (А.С. Трубачева). — М.: Мысль, 1994—1999. —Т. 3 (2).

RUSSIAN PHILOSOPHICAL TEXT: NARRATION MECHANISMS AND LARGER-THEN-THESENTENCE STRUCTURES (works by P.A. Florensky and A.F. Losev)

S.A. Geichenko

The Department of the Russian Language and Stylistics
Faculty of Publishing Trade and Journalism
Moscow State University of Publishing Trade n.a. Ivan Fedorov
Sadovo-Spasskaya str., 6, Moscow, Russia, 107045

The article presents linguo-stylistic and communicative and pragmatic analyses of Russian philosophical texts of the beginning of the XX century treated in the aspect of the typology of the shifters of movement of the thought observatuion and the typology of larger-than-the sentence, connected with this. The conclusion states on the attraction of narrative speech structures of philosophizing to such models that shift the observation point from the forms of vividly exprexsed modality and deixis to the forms of “zero” deixis and veritable utterances.

Key words: language, philosophical text, stylistics of philosophizing, narration, larger-than-the sentence syntax, narrative structure point of observation, deixis, narrative text projection, individual style of a philosopher, Russian philosophy.

REFERENCES

- [1] *Azarova N.M.* Bytiye v russkikh poeticheskikh i filosofskikh tekstakh XX—XXI vv. // *Voprosy filologii.* — 2010. — № 3 (36).

- [2] *Azarova N.M.* Tipologicheskiy ocherk yazyka russkikh filosofskikh tekstov KHKH v. — M.: Logos/Gnozis, 2010.
- [3] *Alekseyev A.P.* Filosofskiy tekst. Idei, argumentatsiya, obrazy. — M.: Progress-Traditsiya, 2006.
- [4] *Arutyunova N.D., Shiryayev E.N.* Russkoye predlozheniye: Bytiynnyy tip (Struktura i znacheniyе). — M.: Rus. yazik, 1983.
- [5] *Gogotishvili L.A.* Lingvisticheskiy aspekt trekh versiy imyaslaviya (Losev, Bulgakov, Florenskiy) // Losev A.F. Imya: Izbr. raboty, per., besedy, issled., arkh. materialy. — SPb.: Aleteyya, 1997. — S. 580—591.
- [6] *Zametalina M.N.* Bytiynost v funktsionalno-semanticheskom prostranstve russkogo yazyka (diakhroniya i sinkhroniya): Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. — Volgograd, 2002.
- [7] *Losev A.F.* Iz rannikh proizvedeniy. / Vstup. st. A.A. Takho-Godi, L.A. Gogotishvili; otv. red. A.A. Takho-Godi; sost. i podgot. teksta I.I. Makhankova. — M.: Pravda, 1990.. — Soderzhaniye: Filosofiya imeni; Muzyka kak predmet logiki; Dialektika mifa.
- [8] *Losev A.F.* Mif. Chislo. Sushchnost. / Sost. A.A. Takho-Godi; obsch. red. A.A. Takho-Godi, I.I. Makhankova; poslesl. L.A. Gogotishvili, V.P. Troitskogo. — M.: Mysl, 1994.
- [9] *Losev A.F.* Forma. Stil. Vyrazhenie. / Sost. A.A. Takho-Godi; obsch. red. A.A. Takho-Godi, I.I. Makhankova; poslesl. V.V. Bychkova, M.M. Gamayunova. — M.: Mysl, 1995.
- [10] *Paducheva E.V.* Semanticheskiye issledovaniya. — M.: Yazyki russkoy kultury, 1995.
- [11] *Postovalova V.I.* Filosofiya yazyka A.F. Loseva. Tipologicheskiy lik. Geneticheskiye istoki. Osnovnye idei i podkhody. // Gumanitarnaya nauka v Rossii: sorosovskie laureaty. Psikhologiya. Filosofiya. — M.: Mezhdunar. nauch. fond, 1996. — S. 101—107.
- [12] *Uspenskiy B.A.* Poetika kompozitsii. Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoy formy. // *Uspenskiy B.A.* Poetika kompozitsii. — SPb.: Azbuka, 2000.
- [13] *Florenskiy P.A.* Sobranie sochineniy: v 4 tt. / Sost. i obsch. red. igumena Andronika (A.S. Trubacheva) i dr.; vstup. st. igumena Andronika (A.S. Trubacheva)]. — M.: Mysl, 1994—1999. — T. 3(2).